

Мастерство актера

Два вечера подряд мы смотрели спектакли, в которых участвовал артист Нижне-Тагильского драматического театра Зиновий Владимирович Бестужев.

В первый вечер он играл молюеровского Тартюфа. По сцене ходил уштаный человек с постным выражением на сытом лице, с осторожными, но уверенными движениями. Блейный тон, взгляд, устремленный к небесам, — все говорило о смиренности, об отрешенности от земных помыслов. Но в глазах, поднятых выше или опущенных долу, то и дело вспыхивал жадный огонек, в кошачьих повадках чувствовалась настороженность хищника, подстерегающего добычу, а цепкие движения рук наводили на мысль, что эти пальцы могут не только перебирать четки, но и ставить железной хваткой горло человека.

На следующий день шел «Огненный мост» Ромашова. Гражданская война. Маленькая железнодорожная станция, только что занятая красными войсками. Четкие слова команды, лихорадочный стук телеграфа, напряженная боевая обстановка.

И вот в этой атмосфере неожиданно появляется глубоко мирный, совершенно штатский человек — доктор Ямпольский. Длинное пальто, неуклюжие валенки, меховая круглая шапка, из под которой виднеется белая докторская шапочка, солдатская самокрутка, неумело свернутая руками, привычным движением стетоскоп или скальпель... До чего странного и неузнаваемого кажется этот человек здесь, на фронте, где даже воздух пахнет порохом!

Стремительный ритм наступления со-

вершенно не захватил доктора. Он неторопливо двигается, со спокойным любопытством присматривается к окружающему, размеренно говорит, пересыпая свою речь добродушными шуточками. Но, — и это самое удивительное, — уже через несколько минут мы твердо верим, что этот кабинетный человек — отличный солдат, с честью несущий свою боевую службу. Мы поверили в это не потому, что поверх своего тяжелого пальто доктор Ямпольский прицепил нагана на широкое ремне, а потому, что при всей своей кажущейся безмятежности он внутренне собран, деловит, совершенно свободен от панической суетливости. Можно с уверенностью сказать, что в поле, под обстрелом он будет оперировать раненого также спокойно, как в мирное время выступивал и выслушивал больного у себя в кабинете.

В следующих картинах спектакля, ближе узнав доктора, зритель оценивает его высокие нравственные качества, душевную чистоту, преданность друзьям, чуткость, выдержку. И, любуясь им, невольно думаешь: неужели это тот самый актер, который вчера так выразительно играл ханжу-лицемера?

Два вечера, два спектакля — два противоположных характера. И это не случайно. Широта диапазона, мастерство перевоплощения — одна из наиболее характерных черт творческого облика З. В. Бестужева — актера, с одинаковым успехом игравшего Чацкого в «Горе от Умы» и Хлестакова в «Ревизоре», Федю Протасова в «Живом труп» Толстого и Кочкарева в гоголевской «Женитьбе».

Тагильчане видели Бестужева в романтическом образе Неизвестного из «Маска-

рада» и в водевильной роли драматурга Ведрина из спектакля «Где эта улица, где этот дом?». На тагильской сцене он сыграл Стила, ученого-палача, продавшего свой труд поджигателям войны («Палачы»), фашистского гауляйтера Эриха Коха («Сильные духом») И в то же время им созданы обаятельные образы советского академика Картавина («Когда ломаются копья»), заместителя министра Степаняна («Рассвет над Москвой»).

Неверно было бы думать, что такого перевоплощения актер добивается при помощи грима, парика, костюма. Спору нет, все это помогает, но решающим моментом, основой сценического перевоплощения являются не эти внешние средства, а умение артиста зажить на сцене теми мыслями, желаниями, чувствами, которыми живет его герой. Только подлинность переживаний актера, только расторгание его в образе заставят нас поверить в правду происходящего на сцене, только это вживание в образ лежит в основе настоящего сценического перевоплощения. Именно такое внутреннее, а не внешнее перевоплощение свойственно Бестужеву.

...Заместитель министра Степанян появляется только в одной картине спектакля «Рассвет над Москвой». Немного слов дано ему драматургом, а значение этого образа велико: в нем должны быть раскрыты типические черты советского руководящего работника, человека большого размаха, умного, принципиального, внимательного и любовно выращивающего людей.

Именно таким был Степанян Бестужева. Мы верим, что это большой человек, ве-

рили потому, что Бестужев не «показывал» руководителя внешними присмаками, а жил мыслями и чувствами своего героя.

И вот актер, создавший обаятельный образ, играет гангстера от науки, верно-го прислужника агрессоров-империалистов Стила. Характер образа совершенно иной, но принцип актерского воплощения остается тем же. Бестужев не пытается «пугать» нас подчеркнутым изображением бездушия, жестокости Стила. Нет, он и здесь перевоплощается, заставляя себя «жить» чувствами и мыслями этого чуждого всему мировоззрению советского человека образа, и чем искреннее, чем убежденнее говорит и действует актер, тем больше верим в подлинность событий, развивающихся на сцене, тем сильнее чувство гнева и возмущения, которое вызывает у нас человек, продавший свою совесть ученого, готовящий в научной лаборатории смертоносную серебристую пыль для массового истребления людей.

Вот это возмущение, этот протест зрителей против империалистических шакалов, готовящих человечеству бедствия войны, и является конечной целью актера. Ради этого он проделал большую и сложную работу, добываясь вживания в образ, по своему характеру чуждый и враждебный ему. Перевоплощение, вживание в образ для советского актера не цель, а средство с наибольшей убедительностью и впечатляющей силой донести, утвердить ту идею, которую вложил в свое произведение драматург.

Для Бестужева характерна четкость идейного замысла, ярко выраженная идейная направленность образа. Перебирая в памяти многие его роли, отчетливо чувствуешь целеустремленность актера, придающего действительное современное звучание даже тем пьесам, которые, как «Тар-

тюф», написаны триста лет назад. Зрителя волнует бестужевский Тартюф, потому что в этом образе есть настоящая обличительная сила, потому что он воспринимает его, как гневный приговор советского человека лицемерам, обманщикам, замаскированным злопыхателям.

Зритель внимательно слушает монолог Неизвестного в последней картине «Маскарада» и чувствует, как поднимается в его сознании протест против старого мира, калечащего людей, коверкающего их душу.

Зритель следит за самодовольными рассуждениями гауляйтера Коха, нагло рассуждающего о германизации Украины, и его возмущает циничная философия этого фашистского выродка.

Актер большой культуры, Бестужев внимательно изучает все материалы, помогающие правильному раскрытию образа, над которым он работает.

Он не боится кропотливой работы, позволяющей, минуя случайное и поверхностное, добраться до самой сущности характера, до той основы, которая раскрывает его ведущее начало.

Стремясь к художественному обобщению, актер старается при этом максимально индивидуализировать характер, внешний и внутренний облик своего героя, отбирая для этого такие черты характера, которые наиболее ярко выявляют типическую сущность образа. Вспоминается недавняя работа З. В. Бестужева — образ Картавина в спектакле «Когда ломаются копья». Не касаясь некоторых спорных вопросов жанрового решения этой пьесы и роли, нужно сказать, что убедительное звучание образа достигалось там, где актер раскрывал типические черты советского ученого — принципиальность, честность научной мысли — через своеобразный характер Картави-

на с его забавным упрямством, вспыльчивостью, наивностью в житейских вопросах.

Для чего понадобилось актеру выявлять именно эти черты характера академика Картавина? Не для «оживления» или «отщепления» образа, а для того, чтобы мы, смеясь над упрямцем Картавиным, над его выпышками, с особенной ясностью поняли ложность его позиций, ту внутреннюю борьбу, которая в нем происходит: борьбу между научной добросовестностью советского ученого и мелкими личными обидами, ложным самолюбием.

Живой человеческий характер, жизненная достоверность образа, созданного актером, придают особую действительность, убеждающую силу идеям пьесы. Но добиться этой правды характера не так легко. Для этого актеру помимо глубокого и верного понимания роли, нужно еще владеть сценической формой, техникой, уметь реально воплотить все то, что родилось в его воображении. Бестужев, актер высокой профессиональной культуры, отлично владеет выразительными средствами сценического искусства. Его замысел получает точное и яркое воплощение, ему свойственно бережливое, любовное отношение к основному средству воздействия актера — к слову.

Актерская одаренность, природная артистичность, сочетающиеся с трудолюбием, пылкостью, общей культурой, сделали З. В. Бестужева зрелым мастером, завоевали ему заслуженную любовь зрителя.

У нас в стране, где искусство принадлежит народу, актер неразрывно связан с массами. И в этой кровной связи с народом — самое большое богатство артиста З. В. Бестужева, одного из скромных и славных тружеников советского театрального искусства.

И. СЕГЕДИ.